

Академия Наук

24 июня 1959 года на Пленуме ЦК обсуждали «технический прогресс». В выступлении на Пленуме отец остановился на проблемах животноводства и кормовой базы, но основное время он посвятил инновациям в промышленности – говорил о точном литье, о прессах высокого давления, о новых технологиях производства крепежных изделий, затем покритиковал заводы за выпуск устаревших станков и машин, а совнархозы – за нарождающееся местничество.

Мое внимание привлек пассаж относительно АН СССР. Коснулся он этой темы тоже вскользь, в ответ на выступление президента Академии Александра Николаевича Несмеянова, директора Института элементоорганических соединений и одновременно президента Академии, «хорошего коммуниста и хорошего ученого», как отозвался о нем отец.

Хрущев затронул болезненный вопрос эффективности Академии. Он считал, что, имея в своем ведении множество различных организаций и учреждений, она стала забюрократизированной и неуправляемой, а ее президент не может везде успеть, со всем справиться.

Проблема Академии зрела давно. Созданная по примеру французской и немецкой академий как сообщество ученых, престижный клуб «бессмертных», со временем она забюрократизировалась, превратилась в министерство науки, а ее президент из «бессмертнейшего» – в чиновника, правда, очень ученого.

Отец считал, что Академия «пробуксовывает», необходимо сделать ее структуру прозрачной и понятной, но подступаться к ней он не спешил. Все ее члены – люди уважаемые, ссориться с ними отец не имел ни малейшего желания. Кроме того, как человек, не получивший систематического образования, он благоговел перед наукой и учеными.

В книгах по истории науки можно прочесть, что Хрущев, якобы не разобравшись, чуть ли не разогнал Академию. Военные историки в тех же выражениях вменяют ему в вину

революционные преобразования структуры Вооруженных сил, сокращение ассигнований на Военно-морской флот, авиацию, выпячивание ракетных войск стратегического назначения. Отец действительно покусился и на Вооруженные силы, и на Академию наук, но только с тем, чтобы приспособить их структуру к потребностям и возможностям страны.

Тут уместно задаться вопросом, что же такое Академия наук? Каково ее место в обществе? И что у нее общего с Вооруженными силами? Науку и армию роднит многое: ни одна уважающая себя страна не обходится ни без ученых, ни без военных. Но и наука, и армия живут как бы в долг: наука обещает возместить затраты на нее будущими открытиями, военные обязуются защитить страну от возможного нападения.

А что следует изучать ученым? Какие направления исследований наиболее перспективны? Традиционная наука базируется на уже сделанных открытиях, развивает и объясняет их. Ученые порой инстинктивно отторгают непривычные толкования привычных явлений. А именно в постижении неизвестного предназначение фундаментальной науки, которой обязана служить Академия. Обязана, но...

Похоже дела обстоят и в армии. Как лучше защититься от врага? Какому вооружению дать приоритет, а какое признать устаревшим? Практические знания военных тоже ограничиваются прошлым, прошедшей войной. На их основе строятся предположения о войне будущей, но предположения, пока их не проверят на практике, так и остаются предположениями, противоречивыми и сильно разнящимися между собой.

В силу неопределенности наука и армия стремятся охватить как можно большее направление, получить максимум ресурсов. Каждый ученый абсолютно искренне считает свои исследования наиболее перспективными, как командующий – свой род войск наиважнейшим. Если науку с армией оставить без присмотра, они, как черные дыры в космосе, поглотят без остатка все, что окажется в сфере их притяжения, из самых благих побуждений разорят страну.

Правительству приходится соизмерять аппетиты ученых и военных с возможностями страны, решать, что заслуживает финансирования, что подождет, а что можно вообще отставить. Вот отцу и приходилось примериваться, как распределить расходы на науку и армию таким образом, чтобы не просчитаться.

Военной реформе посвящена отдельная книга «Рождение сверхдержавы». Ниже речь пойдет исключительно об Академии наук.

Проблему Академии, какова она на самом деле и какой ей следует быть, в 1954 году затронул в разговоре с отцом академик Капица. Отец расспрашивал Капицу, что происходит в нашей «большой» науке. Ответы его не радовали: и в большинстве серьезных направлений мы отстаем, а там, где не отстаем, как в ядерной физике, это тоже заслуга не Академии, а Министерства среднего машиностроения. Капица никогда не стеснялся в выражении своего личного мнения.

Капица, как рассказывал позднее отец, сетовал на чрезмерное увлечение Академии прикладными разработками в ущерб поиску новых научных направлений. Дело в том, что начиная с 1930-х годов эффективность академических исследований оценивали не цитируемостью авторов в мировой научной печати, а эффективностью внедрения. По словам тогдашнего президента Академии Несмеянова: «передовицы “Правды” нас ориентировали не на большую науку».

Капица предлагал освободить Академию наук от рутины, развязать ученым руки, пусть они думают об открытиях, а не конструируют то, что может сделать любой грамотный инженер. Не занимается же Академия разработкой атомных зарядов, самолетов или танков. И прочие инженерные заботы следует отдать промышленности, а с ними и большинство прикладных академических институтов. А следовательно, станет труднее прятаться за «народ-

нохозяйственную значимость» вчерашних и позавчерашних разработок и расчистится поле деятельности для настоящих ученых.⁵⁴

Капица посоветовал отцу вывести академическую науку из-под промышленности, ориентирующейся на давно открытое.

– К примеру, – убеждал Капица отца, – пока не существовало цветной фотографии, то и требований к ней со стороны промышленности не возникало. У нас никто ею и не занимался, пока она не появилась за границей. Только тогда мы во все тяжкие бросились догонять капиталистов. И так во всем.

Отец внимательно выслушал академика, но не торопился принимать решения. Мнение Капицы все-таки мнение всего лишь одного академика, пусть и всемирно знаменитого.

Отец попросил Булганина, только что сменившего Маленкова на посту главы правительства, поподробнее разобраться в академических делах. Булганин «спустил» поручение Малышеву, председателю Госкомитета по новой технике. Тот поручил «проработать вопрос» президенту Академии наук Несмеянову и министру высшего образования Елютину. Проработали. В Академии составили объемистый перечень «Важнейших задач развития науки в шестой пятилетке», выполнение которых выводило бы Советский Союз на передовой уровень в мире; о разделении прикладных, отраслевых и фундаментальных исследований решили не упоминать. Булганина эта отписка удовлетворила. Отец тоже не напоминал о разговоре с Капицей, его внимание занимали целина, жилье, совнархозы, сокращение армии, – не до реорганизации Академии. Казалось, обошлось...

Тем временем Академия разрасталась. С 1951 по 1956 год число занятых в ее структурах различными разработками, по-прежнему в основном прикладными, почти удвоилось. В выступлении на XX съезде партии президент Академии наук Несмеянов наряду с другими достижениями отметил «разработку конструкции автоматических дверей для московского ресторана “Прага” и новых видов стали для перьевых ручек». Правда, он посетовал, что такая приземленность мешает развитию фундаментальных исследований, но, как мы знаем, сетовал он на словах. Составленный им уже упомянутый перечень «Важнейших задач...» более чем наполовину состоял из таких же чисто прикладных задач. Их приоритет диктовался прагматическими соображениями. За автоматические двери ресторана «Прага» заказчик платил солидные деньги, академический статус давал ощутимые преимущества разработчикам: более высокие оклады, чем в промышленности, особенно остепененным кандидатам и докторам наук, полутора– и двухмесячные отпуска. И это в сочетании с более чем ненапряженными планами, а порой и вообще их отсутствием. Расставаться с вольготной академической жизнью не хотелось никому.

Характерно, что люди по-настоящему творческие, увлеченные делом, переходили в промышленность без сопротивления, отпуск они практически не использовали, работали днями и вечерами, прихватывали и выходные. Сопrotивлялись «служащие от науки», звезд с неба не хватавшие, но до привилегий охочие. К тому же, бюрократические структуры оценивают свою значимость по численности штата, и академик Несмеянов сокращать свой штат, а следовательно и фонд заработной платы, количество зданий, гаражей, домов отдыха и прочего не желал.

Тем временем академики, в первую очередь физики и математики, начали «бунтовать». Капица при каждом удобном случае требовал пересмотра приоритетов в пользу фундаментальных исследований. Ему вторил академик Тамм.

⁵⁴ Аналогичные суждения приводятся в письмах академика П. Л. Капицы Н. С. Хрущеву (см. *Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть*. Т. 4. Приложение).

Последний, разочаровавшись в творческих способностях Президиума Академии, ратовал за передачу полномочий отделениям. Несмеянову все труднее становилось удерживать Академию в узде.

С проблемами Академии отец вновь столкнулся в конце 1956 года, когда академики Лаврентьев, Христианович и Соболев пришли с предложением организации Сибирского отделения. Правда, они лишь вскользь коснулись разгоравшихся в научной среде дебатов. Их интересовала Сибирь, образование там крупного научного центра, а не московская свара.

Однако антипартийная группа, история с Жуковым, неурожай на целине опять отодвинули проблемы фундаментальной науки на задний план.

В третий раз о неблагополучии в Академии Хрущеву в конце 1957 года напомнил Николай Николаевич Семенов, тоже походя, говорили они в основном о развитии химической промышленности, но, в отличие от Лаврентьева, Семенов порекомендовал отцу вмешаться, Академия все больше погружается в рутину малозначимых работ, настоящей наукой там почти не занимаются, отставание от Запада нарастает, грозит стать необратимым.

Отец забеспокоился и поручил секретарю ЦК Мухитдинову, курировавшему науку, подготовить «академический» вопрос к рассмотрению на Президиуме ЦК. Он предупредил Нуритдина Акрамовича не замыкаться на Президиуме Академии, выслушать обе конфликтующие стороны, посоветоваться не только с Несмеяновым, но с Капицей, Семеновым и Лаврентьевым.

Подготовка тянулась более года, сначала вопрос дебатировали на Президиуме Академии наук, затем «полировали» в Отделе науки ЦК у Кириллина, потом обговаривали на совещаниях у Мухитдинова и наконец в мае 1959 года вынесли на заседание Президиума ЦК.

До того как рассказать об этом заседании, несколько слов о личных взаимоотношениях Хрущева и Несмеянова. Александр Николаевич сетует в воспоминаниях, что Никита Сергеевич его не понимал, как не понимал он и академических проблем, а потому и решения принимал с его, Несмеянова, точки зрения неверные.

Действительно, отношения между ними не сложились. Кто тут больше приложил руку, судить не берусь, но попытаюсь разобраться. Любопытная получается картина. С академическими проблемами к отцу приходят Нобелевские лауреаты Капица и Семенов, выдающиеся математики Лаврентьев и Соболев, а президент Академии наук оказывается как бы в стороне. Не то чтобы отец с Несмеяновым не встречался. Естественно, они виделись, и не раз. Но в памяти отца эти встречи не запечатлелись. Это примечательно. Все, что интересовало отца, он запоминал намертво. А Несмеянову запомнились две встречи. Какие же вопросы задавал академик руководителю государства? Александр Николаевич припоминает, но не очень отчетливо, что, по всей вероятности, в 1956 году, он вместе с Курчатовым пошел к Хрущеву говорить о генетике.

Инициативу разговора захватил Курчатов, говоря о выгодах, которые США получают от гибридных сортов кукурузы, а у нас таковых нет из-за предвзятого отношения к современной генетике.

Напомню, что к тому времени отец уже получил отчет делегации Мацкевича о поездке в США, уже повстречался с Гарстом, закупил у него партию гибридных семян и поручил нашим селекционерам заняться гибридизацией вплотную. И профессор Александр Самсонович Мусийко в одесском Селекционно-генетическом институте вскоре создал кукурузный гибрид Одесская-10. Так что к моменту визита, если отец и не знал о гибридной кукурузе все до тонкости, то наверняка разбирался в вопросе лучше атомщика Курчатова или химика Несмеянова.

Несмеянов справедливо пишет, что Курчатов напрасно начал игру на чужом поле, Хрущев дорожил его мнением, но не в области кукурузоводства. В ответ на тираду Курчатова он показал ему лежавший на углу стола почти полуметровый сухой кукурузный початок.

– Не надо о сельском хозяйстве, – перебил Курчатов отец, – ваше дело физика и химия, а не кукуруза.

Курчатов перестроился и заговорил о теоретических ошибках Лысенко, здесь Хрущев окончательно заскучал.

«Смысл его вялых реплик, – пишет Несмеянов, – сводился к одному: вы ученые и ваше дело решать вопросы теории, наше же дело – практика... Я, сколько мог, поддакивал Курчатову», – так Несмеянов оценил свое участие в разговоре.

На вопрос Несмеянова, можно ли переводить и издавать книги по современной биологии последовал ответ: «Да кто же вам мешает?»

На этом аудиенция закончилась, правда, на прощание отец, со слов Несмеянова, предупредил их: «Лысенко не трогайте».

Несмеянов из-за своей пассивности на отца никакого впечатления не произвел.

Следующий раз, скорее всего это конец 1957 года или начало 1958-го, Несмеянов пошел к Хрущеву один. Тогда, после встречи Хрущева с академиком Семеновым, готовилось постановление «О химизации». Естественно, отец ожидал, что президент Академии заговорит о перспективах развития науки, в частности химической, в конце концов, он, как и Семенов, химик. Но Несмеянов снова разочаровал отца, просить о встрече с главой правительства его побудил «слух», что готовится сокращение двухмесячного отпуска академическим научным сотрудникам, а также отмена выплаты ежемесячной «надбавки за звание» – академикам 500 (5 000 рублей до реформы 1961 года), а членам-корреспондентам 250 (2 500) сверх зарплаты, независимо от выполненной работы.⁵⁵ Действительно, в 1958 году готовились решения о сокращении, а кое-где и полной отмене, как тогда считали, необоснованных привилегий чиновникам, генералам от науки и просто генералам. Соответствующие постановления приняли в 1959 году. Я о них еще расскажу.

Несмеянов уговаривал Хрущева академиков не трогать, объяснял, «что ученому сплошь и рядом приходится идти на смертельный риск и, потом, им необходима уверенность в прочном материальном положении...»

«Мои доводы убедили Хрущева, – с удовольствием отмечает Александр Николаевич, – он выразил согласие с ними, благодарил меня. Вопрос о сокращении отпуска был похоронен, не возникал и вопрос об оплате «за звание академика».

Несомненно, труд академика требует соответствующей оплаты, но меня доводы Несмеянова не убеждают. Найдется еще немало профессий, где приходится рисковать и побольше, чем в академической лаборатории. С другой стороны, я понимаю Александра Николаевича, никому не хочется терять ни удлиненный отпуск, ни доплаты за академический титул. Будучи кандидатом, а затем доктором наук, я очень болезненно воспринимал разговоры о возможности лишения нас, пусть и не академических, но тоже весьма приятных привилегий. Такие разговоры периодически возникали вплоть до самого конца советской власти.

Отец все больше разочаровывался в Несмеянове. Он по-прежнему уважал его как ученого, но уважал абстрактно. В отличие от академиков, известных ему конкретными делами, о Несмеянове отец говорил в общих словах. Так он и остался для него расплывчатым «хорошим коммунистом и хорошим ученым». Отец не мог понять, почему «рядовые» академики Капица, Курчатов, Семенов, Лаврентьев, Христианович идут к нему с вопросами общегосударственного значения, болеют за дело, а глава Академии...

Тому имелись свои причины. С упомянутыми академиками Несмеянов не ладил. Он вообще не жаловал «нарушителей спокойствия», а Лаврентьева и Семенова откровенно не

⁵⁵ Несмеянов немного перепутал, надбавки в 500 и 250 пореформенных рублей они получали за «звание» в 1974 году, когда он писал воспоминания. В конце 1950-х выплаты были вдвое больше, а к ним прилагались и иные привилегии.

любил именно за то, что они постоянно лезли «не в свое дело», да еще через его голову. Лаврентьев без его ведома «пробил» создание Сибирского отделения. Семенов, вопреки воле Несмеянова, организовал в подмосковной Черноголовке испытательный центр, где занимался теорией взрыва. За счет личных связей и своей энергии он привел в Черноголовку со стороны военных строителей, ежегодно неведомым для президента Академии образом «осваивал» львиную долю выделяемых АН СССР ресурсов. В результате Черноголовка существенно обгоняла Пушкино, где Несмеянов создавал свой собственный научный центр, куст химических и биохимических институтов.

Отношения в Академии складывались очень непростые, и симпатии отца оказывались на стороне людей динамичных, инициативных. Несмеянов обижался, но выводов не делал, он более всего чтил спокойствие.

В такой обстановке в мае 1959 года проходило заседание Президиума ЦК, положившее начало реформированию Академии. Докладывал, по всей видимости, Мухитдинов. Потом выступил Несмеянов, после него – Косыгин и Брежнев, заключал обсуждение отец. Все согласилось, что Академия наук разбухла, погрязла в несвойственных ей разработках, стала трудно управляемой.

Решать с ходу ничего не стали, реорганизация науки дело неспешное и деликатное, поручили Несмеянову и ученому секретарю Академии Александру Васильевичу Топчиеву подготовить предложения.

Александр Николаевич поначалу рассчитывал, как и в 1955–1956 годах, «спустить дело на тормозах», отделаться малой кровью, предложил пожертвовать лабораторией двигателей академика Стечкина, она по направлению прикладная, и передать в совнархозы, расположенные на их территории, филиалы кое-каких институтов.⁵⁶

С этими предложениями Несмеянов выступил в июне 1959 года на уже упомянутом Пленуме ЦК. Отвечая ему, Хрущев продолжил дискуссию, начатую на майском заседании Президиума ЦК, напомнил, что основные достижения академика Ивана Павловича Бардина относятся к периоду, когда он работал на Кузнецком металлургическом комбинате в Сибири. «Примерно то же получилось с крупным специалистом по углю академиком Львом Дмитриевичем Шевяковым, – я его хорошо знаю, он читал нам лекции на рабфаке в Юзовке, потом работал в Днепропетровске, а теперь осел в Москве. Что же, товарищи, разве наука хуже может развиваться в Свердловске, Сталино или Днепропетровске, чем в Москве? Там, где жизнь, там и наука!»

Однако и тут обострять вопрос отец не стал, миролюбиво отметил, что «переселение – это как перенос старого дома, что нередко трудно сделать. Кроме того, опыт показывает: переселение ученых связано с разного рода проблемами. Лучше создавать новые лаборатории при заводах, научные институты – при совнархозах, куда наряду с опытными известными учеными выдвигать больше молодежи. Подумайте, товарищи, и вносите предложения».

Ничего угрожающего не прозвучало, более того, вместо передачи в совнархозы уже существующих филиалов академических институтов, с чем смирился Несмеянов, Хрущев предложил создавать на стыке практики с теорией новые исследовательские организации так, чтобы они бы не порывали связи с большой московской наукой и одновременно увязывали бы эту большую науку с интересами производства. Идея ученым понравилась. Московские институты один за другим учреждали свои филиалы в промышленных центрах. Со временем они набирали сил, отпочковывались, превращались в самостоятельные научные

⁵⁶ Подробнее см.: *Иванов К. В.* Наука после Сталина: Реформа Академии 1954–1961 годов // *Науковедение*. 2000, № 1; Александр Николаевич Несмеянов – организатор науки. М.: Наука, 1996.

центры. Предложенная отцом стратегия оказалась жизнеспособной и намного пережила его самого.

— Со мной отдельные ученые могут не согласиться, но неразумно включать в Академию наук вопросы металлургии или угольной промышленности, — продолжал отец.

И теперь требовалось или его опровергнуть, или согласиться. Согласиться Несмеянов не мог, в этом случае Академия лишалась доброй половины институтов, работавших в сфере прикладных исследований, но и серьезных доводов «против» — не находил.

И тут, не ко времени, в самой Академии снова «забузили» Семенов с Капицей, к ним присоединились и другие весьма авторитетные академики, физики Алиханов и Тамм, химики Кабачник и Шемякин, за «очищение» Академии высказался математик, «теоретик космонавтики» академик Келдыш.

Несмеянов растерялся и попросился к Хрущеву на разговор. Отец принял Александра Николаевича без задержки, буквально на следующее утро, 3 июля 1959 года. И на сей раз Несмеянов не решился идти один, позвал с собой Топчиева.

Беседовали они около получаса, говорил и отвечал на вопросы Хрущева главным образом Топчиев. Несмеянов изредка уточнял детали. Топчиев сетовал на сложность управления наукой, чуть ли не каждый год в самых различных областях возникают новые направления исследований, а все нужно держать в одном кулаке. Отец поинтересовался у Топчиева, не разумнее ли в таких условиях разделить Академию по интересам, учредить несколько специализированных академий. Времена поменялись, а мы продолжаем жить по старинке, как в петровские времена. Тогда в Россию пригласили с Запада первых ученых, они создали свое сообщество, Академию наук, где занимались всем: и физикой, и химией, и стихи сочиняли.

— Теперь же каждый ученый разрабатывает свою тему, а что делает сосед, его не интересуется. Более того, они уже не очень-то и понимают друг друга, рассуждал отец. — Есть же у нас медицинская академия, педагогическая, сельскохозяйственная и даже артиллерийская? Почему бы не разделить естественников и гуманитариев? Выделить экономистов? Тогда и управлять ими станет легче, и сами исследования выстроятся в логическую цепочку. Тем более, — напомнил отец, — такие специализированные академии-клубы уже существуют во Франции и в других странах.

— Разобщение ученых несет непоправимый вред науке, — запротестовал Несмеянов. — Гуманитарные науки составляют единое целое со всем научным фронтом, и мы никоим образом не можем выделить ни философию, ни экономику, ни историю.

Хрущев не настаивал, в ответ на жалобу Топчиева он просто размышлял вслух. Не хотят и не надо, к тому же учреждения новых академий ведет к разрастанию бюрократии. Больше вопрос о дроблении Академии наук не поднимался.

Что же до передачи прикладной науки в промышленность, то тут отец подтвердил, что отступать он не намерен, заволокитить дело не удастся. К 16 октября 1959 года Несмеянов, как и решили на майском Президиуме ЦК, обязан представить конкретные предложения.

В течение оставшихся двух месяцев лета Несмеянов ничего не предпринял — и члены Президиума, и другие ученые отгуливали свои двухмесячные отпуска.

На самом деле далеко не все академики время разъехались по отпускам. Внутри Академии, ее Президиума, развернулась нешуточная подковерная борьба.

Поначалу побеждала «партия» Несмеянова. И тогда негласный предводитель «оппозиции» академик Семенов решил дать открытый бой, 8 августа 1959 года в газете «Известия» он опубликовал статью на целый разворот под заголовком «Наука сегодня и завтра». В ней Семенов провозгласил свое кредо: «задачи академических исследований — поиск новых свойств материи, проникновение в неизведанные тайны природы», а конструировать на базе этих открытий машины и установки — дело промышленности. Далее Семенов изложил свое представление о новой, реформированной Академии наук, описал ее примерную организа-

ционную структуру, остановился на главных, по его мнению, направлениях научных исследований, призвал «избавиться от балласта, передать в промышленность все лишнее, все институты, научным поиском не занимающиеся».

Несмеянов возмутился, потребовал обсуждения «манифеста Семенова», так его теперь называли, на Президиуме Академии, призвал своих сторонников дать отпор «ренегату». 28 августа 1959 года в тех же «Известиях» появилась статья академика Бардина. Иван Павлович сидел на двух стульях, имел институт в Академии и одновременно директорствовал в отраслевом Научно-исследовательском институте черной металлургии профильного министерства. Ни тот ни другой терять он не намеревался. Бардин поддержал Несмеянова, но осторожно, конфликтовать открыто ни с диссидентствующими коллегами-академиками, ни с Хрущевым ему не хотелось. «Как корабли, так и институты Академии наук требуют время от времени очистки своих корпусов от ракушек, мешающих скорости хода», – витийствовал Бардин. Другими словами, очищаться надо, а вот от чего и как, автор от ответа ушел, отметил в заключение, что промышленность в академических институтах не особенно и нуждается, там давно создана собственная наука, по классу ниже академической, к примеру, ЦАГИ у авиаторов или Институт имени академика Крылова у судостроителей. Статья получилась и нашим и вашим.

Несмеянов на Бардина обиделся и решил ударить по Семенову наотмашь. 6 сентября 1959 года «Известия» под заголовком «Изучать и переделывать мир» поместили коллективную статью-протест академиков-прикладников: заведующего отделом теории машин Института механики Ивана Ивановича Артоболевского, артиллериста-баллистика Анатолия Александровича Благоднарова, радиста Александра Львовича Минца, директора лаборатории двигателей Бориса Сергеевича Стечкина, управленца-автоматчика Бориса Николаевича Петрова. Ученые самого разного толка, часто несовместимые, но их всех объединило нежелание перехода в промышленность.

Серьезных аргументов у них не нашлось, придрались к тому, что Семенов ничего не сказал об общественных науках, раскритиковали его с идеологических позиций, сославшись на цитату из Карла Маркса: «Наука не только изучает, но и переделывает мир», а последним и занимаются прикладники. Семенов, по их словам, об усовершенствовании мира не задумывается, что советскому ученому не к лицу. В 1949 году от таких обвинений Николаю Николаевичу пришлось бы туго. В 1959 году в ЦК на донос не обратили внимания.

Вслед за публикацией этой статьи, 9 сентября 1959 года Несмеянов собрал Президиум Академии, проинформировал о неотвратимости реформ, предупредил, что «нельзя делать какие-то предложения, которые бы только приукрашивали, ремонтировали фасад», они должны «наметить наиболее правильные пути реорганизации, но не тронув каких-то важных позиций».

«Конечно, кое-какими институтами придется пожертвовать, – продолжал Несмеянов, – не основными, за исключением шевяковского Института горного дела и стечкинской лаборатории двигателей». По мнению Несмеянова, они «засветились» и «спасти» их нет никакой возможности.

В этой связи Несмеянов предложил переименовать бардинский Институт металлургии в Институт физики и химии металлов и перевести из Технического отделения в Химическое, а Институт механики Артоболевского передать в Отделение физико-математическое. Само Техническое отделение надо, следуя веяньям времени, переименовать в Отделение автоматики, радиотехники и электроники и этим ограничиться.

Несмеянову резко возражал академик Семенов. Он повторил свои доводы о необходимости сосредоточить академические исследования на основных, перспективных направлениях науки и так изменить структуру Академии, чтобы каждое отделение разрабатывало одно из них, закладывало фундамент производства, технологий завтрашнего дня. Семенов

предлагал вообще упразднить Техническое отделение, все его институты перевести в промышленность. Никакого ущерба репутации их директорам-академикам такое переподчинение не нанесет, в промышленности работает немало членов Академии, таких как Туполев и другие.

Несмеянов не только слушать Семенова не желал, но и не слышал его. Они говорили на разных языках. Существовавшая структура Академии Александра Николаевича устраивала, и он не желал никаких, всегда связанных с лишними хлопотами, пертурбаций. Из членов Президиума Академии только вице-президент Келдыш высказался за реформы по Семенову. Остальные члены Президиума либо поддержали Президента, либо промолчали. Это тут же отразилось на тоне дискуссии в прессе, «несмеяновцы» — академики и не академики, дружно осуждали «прожектерство ренегата» Семенова. Диссонансом в общем хоре прозвучала статья уже известных нам академиков-диссидентов, Алиханова, Тамма М. И. и М. М. Шемякина «Время – времени рознь» («Известия», 21 октября 1959). Авторы считали реорганизацию академии по Семенову необходимой и неизбежной, в том числе и перевод «технарей» в промышленность.

Несмеянов на них внимания решил не обращать, отправил в ЦК Мухитдинову письмо, отражавшее его мнение, поддержанное большинством Президиума.

8 данном случае не академик Несмеянов защищал интересы науки, а суперминистр воевал за неприкосновенность своей вотчины. Так же, как до него другие министры, выступая против совнархозов, боролись за неприкосновенность собственных уделов.

В ЦК с мнением Несмеянова не согласились, завернули его отписку. Несмеянову ничего не оставалось, как снова проситься на прием к Хрущеву. Встретились они, согласно записи в журнале посещений, 12 января 1960 года и говорили в течение часа, с 16.00 до 17.00. Как и раньше, Александр Николаевич взял с собой Топчиева. Несмеянов о содержании разговора ничего конкретно не пишет, в своих мемуарах он упоминает «неприятные ситуации, которые возникали все чаще». Говорит о «репликах-поручениях со стороны Хрущева вроде того, что нужно провести перестройку структуры академии, чтобы улучшить ее работу».

Судя по тону его записи, общего языка с Хрущевым они не нашли и расстались неудовлетворенными друг другом. Однако и никаких конкретных последствий эта встреча не имела. Отец к академическим делам какое-то время не возвращался и Мухитдинова не подталкивал. Его занимала подготовка назначенного на май совещания глав четырех держав в Париже. Без подталкивания со стороны отца все шло очень медленно, а затем, когда в мае 1960 года в ЦК прошла реорганизация Секретариата, и Мухитдинов наукой заниматься перестал, дело и вовсе застопорилось. Публичная дискуссия о роли Академии наук, эффективности фундаментальных исследований тоже заглохла. Дело реформирования Академии казалось надежно похороненным.

Только осенью 1960 года академические дела вновь обсуждаются в верхах.

9 сентября Президиум ЦК, по предложению Хрущева, так, по крайней мере, утверждает Несмеянов, решает учредить «единый научный центр, который бы занимался общей координацией науки в стране».

— Сейчас я не в состоянии вспомнить, какие предложения мы внесли наверх. Можно ругаться, что никаких серьезных реформ не предлагалось, — так через пятнадцать лет Несмеянов обобщил свои впечатления об этом заседании.

Не оставалось никаких сомнений, что тогда как «академическая оппозиция» настаивала на реформах, подталкивала руководство страны к их проведению, призывы о реформировании саботировались ее президентом. Однако Несмеянов в своих воспоминаниях сводит дискуссию к частностям, обсуждение кардинальных вопросов организации науки переводит в разряд мелкой склоки, что в данном случае для него очень удобно. Но других свидетельств, кроме воспоминаний Несмеянова, о разговоре на Президиуме ЦК нет.

«В процессе дискуссии, – вспоминает Несмеянов, – Хрущев упрекнул меня в каких-то недостатках в работе Академии, в частности в том, что Академия, мол, занимается исследованием каких-то мушек».

Мушки, несчастные дрозофилы, на них с середины 1930-х годов генетики отработывали свои теории, с легкой руки Сталина стали расхожим символом схоластической никчемности, непродуктивности, оторванности ученых от практики. Сталин противопоставлял им дарвинистов-мичуринцев, не чуравшихся, надев крестьянские сапоги, выйти со своими экспериментами на поля.

Упомянул ли Хрущев дрозофил, а если да, то применительно к биологии или абстрактно, выразив тем самым свое неудовлетворение состоянием дел с организацией науки, мы теперь не узнаем. Несмеянов пишет о своей реакции, и, естественно, в благоприятном для себя виде.

– Несомненно, есть возможность сменить президента, найти более подходящего для этой цели академика. Я уверен, например, что Мстислав Всеволодович Келдыш лучше справился бы с этими обязанностями, – обиделся Несмеянов.

– Я тоже так думаю, – бросил Хрущев. Заседание продолжалось.

У меня версия Несмеянова вызывает серьезное недоверие. На осеннем заседании обсуждали не сельское хозяйство, не генетику и биологию, а организацию науки, инициировали вопрос физики и химии, а отнюдь не одиозный Лысенко. При чем тут мухи-дрозофилы – непонятно. Да и фамилия Келдыша, который Лысенко на дух не переносил, в контекст несмеяновской версии никак не укладывается. С другой стороны, Несмеянову явно престижнее увязать свою отставку с отстаиванием неких научных принципов, а не с собственными организационными провалами, объяснить ее конфликтом с «мракобесом» Лысенко, а не со всемирно признанными Нобелевскими лауреатами и перешедшим на их позиции вице-президентом академии Келдышем. Расхожие и справедливые обвинения отца в неоправданной поддержке Лысенко у всех давно в зубах навязли. Не покривил ли душой в своих мемуарах академик Несмеянов? Может, и покривил, теперь у него уже не спросишь.

Отставка Несмеянова явно назрела. Отец окончательно разочаровался в нем как в президенте Академии наук. Они друг другу не соответствовали – консервативно-медлительный Несмеянов и динамичный Хрущев. Однако с его заменой отец не спешил. По своему опыту он знал, насколько негативно академики относятся к кандидатам извне.

В 1946 году на Украине после смерти президента Украинской Академии наук А. А. Богомольца подбирали ему замену, и отец предложил Евгения Оскаровича Патона, механика, основоположника науки о сварке металлов, ученого дореволюционной закалки, к тому же хорошего организатора. Казалось бы, идеальная кандидатура, но – спущенная сверху. Что тут началось! До открытого неповиновения не дошло, времена-то были сталинские, но академики по всем углам ворчали, что Хрущев-де навязывает им своего протеже, и в конце концов вынудили отца отступить. Вместо Патона президентом избрали собственного кандидата, биохимика Александра Владимировича Палладина. Выбор оказался неудачным. Палладин, едва заняв президентский кабинет, развел интриги, начал преследовать неугодных. Многим ученым, с трудом собранным на Украине его предшественником Богомольцем, таким, как основоположник советской вычислительной техники Сергей Алексеевич Лебедев или всемирно признанный физик-теоретик Николай Николаевич Боголюбов, пришлось попросту бежать из Киева. Но это уже совсем иная история.

Академик Келдыш в качестве президента Академии наук отца вполне устраивал. Более чем устраивал. Они познакомились сравнительно недавно, но отец успел оценить хватку Келдыша как администратора. О достоинствах Келдыша-математика он, естественно, судить не мог, но результаты его работ говорили сами за себя. Келдыш много работал для промышленности, в авиации решил ряд «неразрешимых» проблем, достаточно назвать «флаттер»

– разрушительные аэродинамические вибрации самолетов, или «шимми» – смертельные «пляски» шасси в момент посадки; в последнее время занялся атомными и космическими делами, стал «теоретиком космонавтики». В академии Келдыша уважали и теоретики, и прикладники. Такое не часто случается.

И вот теперь Несмеянов первым произнес фамилию Келдыша, и произнес ее, судя по его собственным словам, осознанно.

«Я вернулся домой, – вспоминает Александр Николаевич, – чувствуя себя подавшим в отставку, и обдумывал, не следует ли мне и письменно сделать этот шаг. Но при здравом размышлении решил, что так не принято. Пусть Хрущев решает, как теперь быть, а я буду ждать. На другой день я рассказал об инциденте А. В. Топчиеву и М. В. Келдышу. Последний выразил мне упрек и свое неудовольствие. Я объяснил ему, что хотя повод, заставивший меня говорить, был делом случая, но совсем неслучайным было мое предложение. Я уже давно пришел к убеждению, что в лице М. В. Келдыша Академия наук имеет наилучшего кандидата в президенты».

Казалось бы, они расставались по-хорошему, но на самом деле Несмеянов на Хрущева смертельно обиделся. Обиделся и за отставку, и за реформу. По его мнению, менять в Академии ничего не надо, «тут трудно было предположить новое», структура, утвержденная еще Сталиным, «не требовала изменений». Недоволен был он и Келдышем, которого только что назвал своим «наилучшим» преемником, но который, по мнению Несмеянова, вел себя неправильно, «убежденно защищал изменения, осуществленные им впоследствии, а именно – увеличение числа отделений, каждое ответственное за большую научную проблему».

Я лично Несмеянова не встречал, а вот с Келдышем сталкивался неоднократно. На мой взгляд, президентом Академии наук он оказался почти идеальным. Почти, если считать, что идеальных президентов не существует в природе.

16 октября 1960 года академик Капица отправляет Хрущеву очередное письмо с жалобой на то, что «наука у нас развивается медленнее и хуже, чем это могло бы быть. Постановление Совета Министров, касающееся нам очень нужной реформы Академии наук... вот уже год переживает муки рождения и до сих пор не родилось. Это постановление нам очень нужно». Отец поручает Алексею Николаевичу Косыгину, теперь он отвечал за науку, доложить о состоянии дел. Косыгин подтвердил: за год не сделано ничего. Организуется «комиссия Косыгина, которая должна разработать конкретные предложения в этой области».

Итак, отставка Несмеянова стала реальностью, и отец поручил Косыгину уладить с ним формальности. Косыгин встретился с Александром Николаевичем в январе 1961 года. Договорились не спешить, дожидаться, когда в мае 1961 года истечет второй президентский срок Несмеянова, тогда и провести перевыборы. К тому же моменту комиссия Косыгина приурочила и реформу Академии, разгрузку ее от несвойственных задач, перевод «технарей» в промышленность. От Президиума Академии в комиссии по-прежнему формально числились Несмеянов и Топчиев, но работали Топчиев и Келдыш. Несмеянов комиссию игнорировал, на заседания не приезжал.

Слухи о грядущем переподчинении академических институтов промышленности вызвали настоящую панику. Шутка ли, все, к чему привыкли, полетит в тартарары, – прощай беззаботная академическая жизнь. Директора правдами и неправдами пытались переписать свой Институт из списков «отъезжающих» в список «остающихся». Несмеянов пока еще числился президентом Академии наук и, как мог, подливал масла в огонь. Обстановка создалась неприятная, Келдыш разнервничался и пошел советоваться к Хрущеву. Видимо, они встречались в ЦК, так как в Кремлевском журнале посещений фамилия Келдыша не присутствует. Договорились записать в Постановление еще один пункт: всем «отъезжающим» сохранить продолжительный отпуск, и оклады, и все остальные привилегии. Шум сразу приутих.

3 апреля 1961 года Президиум ЦК обсудил предложение комиссии Косыгина и наконец-то принял решение об Академии наук. Координация научных исследований в стране передавалась от Академии более нейтральному Научно-техническому комитету Совета Министров СССР, по этому случаю его переименовали в Государственный комитет Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ. Во главе Комитета в ранге заместителя главы правительства поставили бывшего министра авиационной промышленности Михаила Васильевича Хруничева. Отец знал Хруничева как человека строгого, хваткого, но и чувствующего науку, как говорится.

Одновременно, по Семенову, если хотите по Капице или по Келдышу, реформировали и саму Академию, основными направлениями ее деятельности декларировались фундаментальные исследования в физике, математике, химии, биологии, науке о Земле и Вселенной, экономике и гуманитарных областях. Соответственно выстраивались и академические отделения. 19 мая 1961 года общее собрание Академии наук избрало своим президентом Келдыша.

Не вписывавшихся в «новую» Академию технарей, всего около двадцати тысяч человек, передавали кого куда: Институт Бардина, правда, уже без самого Бардина, Иван Павлович умер 7 января 1960 года, – металлургам, Институт Шевякова – угольщикам, близкие мне по профилю Институт автоматики, впоследствии Институт проблем управления академика Вадима Александровича Трапезникова и Институт электронных управляющих машин (в нем я проработал около тридцати лет с 1968 по 1995 год) члена-корреспондента академии Исаака Семеновича Брука – приборостроителям, Институт точной механики и вычислительной техники академика Сергея Алексеевича Лебедева – электронщикам, и так далее.

Страхи постепенно улеглись. Работать в промышленности оказалось не столь выгодно, как в Академии, но не так уж и страшно. Конечно, теперь приходилось ежедневно, а не только в дни зарплаты ходить на работу, выполнять планы, соблюдать сроки внедрения разработок в производство, сопровождать серию. Но появилось и незнакомое ранее удовлетворение, «свои» заводы принимали разработки «своих» институтов куда охотнее, чем чужих, академических. Что может быть приятнее, чем увидеть свое детище «в железе»? В данном случае я сужу по себе.

Привилегии вновь приобщенных к промышленности «академиков», особенно длинные отпуска, исподволь распространялись и на аборигенов. В правительственные постановления о выполнении сверхвлажных и сверхсрочных работ «свой» чиновник где-то в конце вписывал малозаметный пункт: «Распространить на организацию имярек действие параграфа такого-то, такого-то постановления от такого-то числа».

Пункт этот не возлагал на соисполнителей дополнительных заданий, поэтому в Госкомитетах и совнархозах его охотно визировали. Не возникало возражений и у Госплана, сроки окончания разработки не нарушались. Согласованный всеми документ утверждало правительство и дело с концом. Первыми такую «аферу» провернули королёвцы, за ними последовали янгелевцы, челомеевцы и не знаю кто еще.

Справедливости ради отмечу, что удовлетворение от приравнивания к «академикам» получалось чисто моральное, не то что дополнительные, свои законные отпуска обычно копились годами, а затем приплюсовывались... к пенсии.

Реформа Академии наук вызвала множество пересудов, но серьезного влияния ни на промышленность, ни на эффективность фундаментальных исследований не оказала. Конечно, двадцать тысяч дополнительных и не пустых голов кое-что значили, без них новые компьютеры, приборы, станки, машины появились бы на несколько лет позднее, но все равно появились бы. В этом несомненный плюс, но скорее количественный, не качественный.

В самой же облегченной Академии с фундаментальными исследованиями не стало ни лучше, ни хуже. Кто, по своим способностям и таланту, мог ими заниматься, так и продолжал свои занятия, а «просто ученые» по-прежнему искали «инженерные» заказы на стороне.

Талант человека проявляется спонтанно и в неожиданном месте, как мы знаем из истории науки, фундаментальные открытия делались в гаражах, подвалах, сараях, которые потом преобразовывались в научные центры, и куда реже в забюрократизированных учреждениях. Пробыться там новой идее, не укладывающейся в общепринятые научные каноны, много труднее, чем где бы то ни было. Новая мысль обычно озаряет никому не известную голову, часто противоречит «здравому смыслу», а на включение ее в план работы в институте требуется одобрение «здравомыслящих» начальников всех ступеней. Даже если руководитель не ретроград, а настоящий ученый, то ожидать от него поддержки чужой, «сумасшедшей» идеи, тогда как на разработку собственного научного направления сил не хватает, не приходится. Академия в таких делах тоже не помощник, а скорее помеха, тормоз. Она, как и всякое бюрократическое учреждение, заинтересована в стабильности, базирующейся на существующем знании, а как распознать никому еще не понятное, никем не признанное, противоречащее привычному пониманию бытия гениальное открытие – никто не знает и, наверное, не узнает.

Отец еще вернется к проблеме эффективности науки. Но об этом мы поговорим позднее. Пока же академическая Москва обсуждала отставку Несмеянова, полнилась самыми невероятными слухами.